

УДК: 94

DOI: 10.25629/НС.2024.01.10

ВЕДОМОСТИ СЕСТЕР И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ О НАСЕЛЬНИЦАХ ЖЕНСКИХ ОБЩИН (НА МАТЕРИАЛЕ МОСКОВСКОЙ И НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Чжао Чжэннань

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация

Ведомости сестер женских общин являются важным источником для изучения этих объектов в XIX веке. В данной работе рассматриваются ведомости сестер семи женских общин Московской и Нижегородской епархий первой половины XIX века, изучаются особенности самого источника и на основе содержащейся в нем информации составляется социальный портрет сестер. В статье отмечается, что по сравнению с ведомостями о монашеских монастырях в ведомостях сестер женских общин больше внимания уделяется происхождению сестер (месту, откуда они приехали, сословию, документам, дающим право проезда, и т. п.). Это в большей степени проявлялось в Нижегородской епархии. Определенные правила составления общинных ведомостей появились только к 1830-1840-м годам. Для получения информации о более ранних периодах мы можем обратиться к другим видам материалов, таким как исповедные ведомости и краткие списки сестер, встречающиеся в других документах. Информация из ведомостей свидетельствует о том, что нижегородские общины в целом крупнее московских. Темпы увеличения размера общины динамично меняются. В исследуемый период они были более востребованы для молодых незамужних женщин, большинство которых были из крестьянского сословия. В то же время общины, расположенные в городах, привлекали местные городские сословия (мещанское и купеческое). В повседневных послушаниях сестер преобладало церковное служение. Чем больше община и чем сложнее повседневная деятельность, тем больше вероятность того, что сестры будут специализироваться только на одном виде послушания. Это связано с более высоким уровнем управления общиной.

Ключевые слова

Женские общины, ведомости монашеских, исповедные ведомости, Московская епархия, Нижегородская епархия, Русская православная церковь

Введение

Для изучения повседневной жизни монастырей в синодальный период одним из ключевых источников являются ведомости о монашеских, в которые обычно входят такие рубрики, как имя, возраст, социальное происхождение, время поступления в обитель, пострига, послушания и т. п. Как отмечает М. Ю. Нечаева, этот вид источника лежит «в основе просопографического изучения» и позволяет «проследить основные вехи жизни насельника». Ведомости были созданы по требованию вышестоящих инстанций. Поэтому они отражают те аспекты монашеской жизни, на которые обратили внимание власти [12, с. 261]. Исследования на основе этого источника часто касаются второй половины XIX – начала XX в. в связи с относительно хорошей сохранностью ведомостей в этот период.

Аналогичным образом ведомости сестер также служат одним из основных источников изучения женских общин в России. Они дают личную информацию о сестрах, что позволяет нам обобщить и проанализировать данные, сделать выводы о характеристиках сестер. Эти данные косвенно свидетельствуют и о влиянии женских общин в обществе того времени. Более того,

ведомости отражают те аспекты жизни общин, которые привлекали внимание гражданской и церковной властей с точки зрения надзора и администрации. Хотя и монастырь, и община являлись религиозными организациями, в которых люди вели монашеский образ жизни, власти иначе относились к контролю над общинами, из-за того что они формировались спонтанно, без официальной санкции. Несмотря на одинаковые названия документов, содержание ведомостей официальных монастырей и женских общин заметно отличается. Сравнение между ними позволяет нам выяснить в том числе и отношение властей к общинам.

Объект и предмет исследования

В данной работе мы обратили внимание на женские общины двух крупных епархий – Московской и Нижегородской – и выбрали те из них, которые были утверждены до середины XIX в., как объекты изучения. Это Аносинская Борисоглебская, Спасо-Бородинская и Троице-Одигитриевская общины в Московской епархии, Серафимо-Дивеевская, Ардатовская Покровская, Спасо-Зеленогорская и Арзамасская Алексеевская общины в Нижегородской епархии. Три московские общины относительно рано и быстро получили покровительство властей и были преобразованы в монастыри (20–40-е гг. XIX века). Они получили поддержку и помощь Московского митрополита Филарета (Дроздова), который относился к их распространению как к части своей церковной реформы. Последовательное признание легитимности этих новых организаций, поддерживаемых столь значимой фигурой, несомненно, имело большое значения для развития женских общин как явления. Нижегородские общины возникли раньше (например, Дивеевская и Алексеевская общины существовали уже в конце XVIII века) и прошли более длительный этап развития, прежде чем были признаны властями. Взаимодействие между общинами и властями на протяжении первой половины XIX века позволяет в полной мере проследить процесс движения общин к легитимации. Можно считать эти общины двух епархий характерными примерами начального этапа истории женских общин. Важной задачей данной работы является сравнение общин двух епархий, выяснение их региональных особенностей.

Хронологические рамки исследования

Что касается хронологических рамок, то мы определили середину XIX века как нижнюю границу. До 1842 года практически не было официальных заявлений о правовом статусе женских общин. На протяжении первой половины XIX века можно наблюдать стремление общин к легитимности и постепенное включение этих новых структур в нормативное управление со стороны властей. Поэтому стоит рассмотреть, что интересовало власти при управлении общинами и какие женщины выбирали их для жизни. Ведомости сестер могут дать нам ответы на эти вопросы.

Историография

Ведомости о монашествующих уже давно интересуют исследователей. М. Ю. Нечаева рассматривает информационную структуру и развитие этого типа документации синодального периода [12; 13]. Исследования на основе этих материалов обычно сосредоточивают внимание на социальном портрете насельников монастырей [39; 40; 9; 2]. Ведомости используются и в изучении женских общин. Американские исследователи У. Г. Вагнер и К. Барнит проводят количественный анализ данных о сестрах Нижегородского Крестовоздвиженского монастыря конца XVIII – начала XX вв., включая период, когда он был реорганизован на общинной основе. Анализ различной личной информации в ведомостях раскрывает тенденцию вступления молодых, незамужних девушек в монашескую жизнь и изменения социальной функции женских монастырей за этот период [43; 44]. О. В. Кириченко в своей монографии рассматривает географическое распределение мест происхождения сестер, включившихся в общинную жизнь, а также структуру их возраста, социальное происхождение, содержание их послушаний и т. п. [10, с. 56-87, 367-405] Но пока нет работ, специально посвященных именно ведомостям женских общин.

Цель

В данной статье мы рассмотрим особенности самого источника и составим социальный портрет сестер общин двух епархий.

Ведомости сестер и другие виды документации

В данной работе в основном используются неопубликованные документы из трех архивов: Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ), Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) и Государственного архива Нижегородской области г. Арзамас (ГАНУ г. Арзамас). Использовались фонды Московской и Нижегородской духовных консисторий, женских монастырей и общин¹.

Одна из трудностей в изучении женских общин заключается в недостатке оригинальных источников. Особенно когда речь идет о периоде с момента, когда община начинала собираться, то есть существовать де-факто, до того, когда власти признавали ее существование де-юре. Можно назвать этот промежуток времени «раннеобщинным периодом». На самом раннем этапе развития размер общины был невелик, сестер мало, повседневные занятия были простыми. Ввиду этого, с одной стороны, у общин не было потребности (да и необходимости) составлять документацию, например ведомости сестер. С другой стороны, до того момента, как гражданская и церковная власти не заметили этих организаций и не приняли их под свой контроль, не было требования о предоставлении этих документов. Кроме того, как правило, более ранние по времени документы хуже сохранились.

Тем не менее, по мере того как административные органы начали знакомиться с общинами, появлялись формальные требования и общины стали оставлять свой след в официальных документах. Стандартизация документации происходила постепенно. Поэтому при изучении «раннеобщинного периода» нам необходимо использовать некоторые другие виды документов, чтобы получить дополнительную информацию о первых насельниках.

Один из них – это исповедные ведомости. По О. В. Кириченко, создание первых трех московских женских общин относится к одной категории – все они появились «в бывших помещичьих имениях» [10, с. 67]. А основная часть исповедных ведомостей состоит из подробной информации о каждом дворе, начиная с его владельца [14, с. 67]. Так, определяя владельца и приход, к которому принадлежит его имение, мы можем найти записи о первых насельниках общины. Например, исповедная ведомость 1820 года Троицкой церкви в селе Аносино Звенигородского уезда Московской губернии показывает, что при церкви существовала богадельня (двор № 4), в которой жили 5 женщин и 1 мужчина (отец одной из насельниц). Княгиня Авдотья Николаевна Мещерская, основательница общины, жила рядом со своей воспитанницей Марией Григорьевой (двор № 5) [31, л. 256-256об.]. Исповедная ведомость 1821 года также дает нам подробную информацию о богадельне и А. Н. Мещерской [32, л. 111-111об.]. В 1822 году Аносинское общежитие было утверждено официальным указом. В исповедной ведомости этого года появилась запись именно о Борисоглебской женской пустыни вместо богадельни. В число ее насельниц включаются пять «рясофорных пострижениц» и остальных непостриженных [33, л. 226-226об.]. В 1823 году общежитие было преобразовано в женский монастырь, и с этого момента мы встречаем информацию о его насельницах в типовой ведомости о монашествующих [29, л. 383-394].

¹ В ЦАНО: Ф. 589 (Серафимо-Дивеевский женский монастырь), Ф. 1024 (Арзамасская Алексеевская женская община) и Ф. 2724 (Спасо-Зеленогорская община). В ГАНУ г. Арзамас: Ф. 11 (Арзамасский Алексеевский женский монастырь) и Ф. 53 (Серафимо-Дивеевский женский монастырь).

Таким же способом мы можем найти записи о насельницах Одигитриевского общежития с 1829 по 1841 год в исповедных ведомостях церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Руднево Верейского уезда, на вотчине Марьи Семеновны Бахметевой².

По сравнению с типовыми ведомостями о монашествовавших информация из исповедных ведомостей простая и неоднородная. Часто мы можем узнать лишь самую основную информацию: имя, отчество и возраст насельниц. Нередко она может быть неверной³. Несмотря на последовательность этого типа документа, существуют случаи, когда записи отсутствовали там, где они по логике должны были быть⁴. Как отмечает А. И. Фёдорев, у исповедного учета есть определённая специфика. Например, исчерпывающую информацию давали почти только по дворовладельцам. А указание возраста в большой степени зависело от оценки священника на глаз [14, с. 71]. Отбор информации одним священником, ответственным за записи, имеет определённую закономерность. В записях Троицкой церкви содержится подробная информация о насельницах Аносинского общежития: города, откуда они приехали, сословия; у вдов – имена и отчества покойных мужей. А в записях Одигитриевского общежития, присутствуют только имя, отчество и возраст сестер. Лишь в исповедной ведомости 1829 года указаны их сословия.

Еще один дополнительный вид источников – это краткие списки сестер, включенные в документацию, которую общины подавали в вышестоящие инстанции. По мере роста общины светская и церковная власти обращали внимание на ее существование, а община, в свою очередь, начинала активно добиваться юридического статуса. Часто по просьбе властей в различные документы включались списки сестер.

Требование дать информацию о состоянии общин, естественно, включало описание их насельниц. Так что списки сестер часто встречались в первых отчетах о существовании общины и в ходатайствах об официальном признании. Этот вид источников характеризуется тем, что, хотя он уже гораздо богаче по содержанию, чем исповедные ведомости, информация в нем все еще ограничена. Например, в 1841 году при ходатайстве об открытии Одигитриевского женского общежития Синод потребовал от Московской духовной консистории прислать именной список сестер [28, л. 11-12], который содержал только имя, отчество, фамилию, социальное происхождение и возраст. В связи с более длинным «раннеобщинным периодом» такие документы чаще встречаются в Нижегородской епархии. Так, например, один список Казанской общины (одной из двух предшественниц Дивеевской общины) содержит места происхождения сестер, сословия, имена и отчества, возраст и документы, поданные для поступления в общину [17, л. 44-56об.]. Список Ардатовской общины 1839 года при ходатайстве об официальном признании содержит сословия, имена, отчества и фамилии, возраст и время поступления в общину [17, л. 61-62].

По мере углубления знакомства властей с общиной стали появляться ведомости сестер с фиксированным форматом. Обычно это происходило уже после утверждения статуса общины. В Московской епархии мы не нашли таких списков по Аносинскому и Бородинскому общежитиям до того, как они стали полноценными женскими монастырями⁵, что частично связано

² Приехав в Москву в 1825-1826 году, старец Зосима (Верховский) и верные ему сестры из Туринского женского общежития поселились в имении надворной советницы М. С. Бахметевой [8]. Исповедные ведомости, в которые включаются насельницы Одигитриевского общежития, см.: [34, л. 91об-93об; 35, л. 288об. – 290об., 544об. – 546об.; 36, л. 631об.; 37, л. 680об. – 681; 38, 615об. – 616].

³ Например, в 1829 году было указано, что о. Зосиме 70 лет, а в 1830 году – 66 лет. [34, л. 91об.; 35, л. 288об.]

⁴ Например, в исповедных ведомостях церкви Рождества Пресвятой Богородицы за 1826–1828, 1833 и 1834 гг. не были записаны сестры Одигитриевского общежития.

⁵ В 1823 году был учрежден Аносинский монастырь, и в том же году составлен первый официальный список монашествовавших. Информация о насельницах более раннего времени, как отмечалось выше, содержится в исповедных ведомостях. [29, л. 383-394]. А первый список монашествовавших Бородинского женского монастыря, который мы нашли, датируется 1844 годом. [30, л. 386-397]. Хотя Спасо-Бородинское общежитие было утверждено в 1833 году и преобразовано в монастырь в 1837-1838 годах, ведомостей сестер до 1844 года мы пока не нашли. Это может быть связано с плохой сохранностью документов.

с коротким сроком их общинного периода. Найдено немало ведомостей Одигитриевского общежития, они уже похожи на официальные ведомости о монашествующих монастырей, только без рубрики «Когда была пострижена».

В Нижегородской епархии сохранилось большое количество ведомостей сестер именно общинного периода, и они имеют относительно однообразный формат, значительно отличающийся от официальных монастырских ведомостей.

В 1830-х годах власти начали собирать информацию о женских общинах в Нижегородской епархии, стали появляться отдельные списки, о которых мы говорили выше. В 1842 году указом Синода утверждается юридический статус четырех женских общин Нижегородской епархии, равный статусу православных монастырей [17, л. 150-150об.]. После этого Нижегородская духовная консистория начала регулярно собирать ведомости сестер этих общин.

Для сравнения мы начнем с перечня рубрик, входящих в типовые ведомости монашествующих женских монастырей XIX века: имена сестер, возраст, сословие, время поступления и пострига, чему обучались, какие проходят послушания, способны ли к послушаниям, были ли судимы и штрафованы, какого поведения [29, л. 383-394; 30, л. 394об.-397; 25, л. 1об.-2об.; 6, л. 1-37].

Ведомости сестер женских общин также включают основную информацию: имена, возраст, время поступления в общину. Поскольку сестры в общинах не могли стать монахинями, в ведомостях, естественно, не было записей о том, когда и где они были пострижены, нет разделения на монахинь, рясофорных послушниц и послушниц. Ведомости женских общин демонстрируют важность других сведений.

Если монастырские ведомости больше посвящены монашеской жизни сестер (время пострига, виды послушания, поведение), то списки общин фиксируют больше информации о происхождении этих женщин. Места, откуда приехали, сестер были указаны подробно – вплоть до городов и сел. Впоследствии отмечалось сословие сестер, указывались документы, по которым они могли легально проживать в общине.

В историческом контексте Российской империи в первой половине XIX века поступление женщин в общины влекло за собой две проблемы с точки зрения управления населением: 1) географическое движение населения и 2) перемещение из одного сословия в другое. Ввиду этого у всех сестер были такие документы, как отпускные свидетельства или увольнения, которые были выданы и подписаны лицами, контролирующими их прежнее сословие. Например, дочь пономаря могла получить свидетельство в местном духовном правлении, крестьянская девица – у своего помещика или в местной казенной палате, мещанская дочь – в городском магистрате и т. п. В документах были указаны имена, физические характеристики, оценки поведения сестер, отмечено, что они навсегда отделяются от прежнего сообщества и могут по своей воле выбрать новое место проживания (в некоторых случаях указывалось название общины)⁶. Соответственно, приехав в общины, сестры получали указы Нижегородской духовной консистории, согласно которым они определялись в общины официально. Содержание ведомостей женских общин указывает, что их главной задачей был надзор за населением.

Однако в ведомостях московских женских общин, упоминаемые выше, не были указаны документы, легализовавшие их положение. Кроме того, в ведомостях сестер общин Нижегородской епархии часто отсутствует указание на послушания. Например, в ведомостях общин 1844 [22, л. 136-175, 176-182об.], 1845 [23], 1848 [24, л. 1-38об., 98-101об., 102-127] годов не была указана эта информация. Хотя у Зеленогорской общины в ведомостях сестер 1839 года

Уже в XIX веке некоторые ведомости Спасо-Бородинского общежития были потеряны. Например, когда в 1841 году возникла потребность рассмотрения ведомостей 1833–1835 годов, оказалось, что в архиве Московской духовной консистории их не имеется [27, л. 4].

⁶ С начала XVIII века для надзора за передвижением населения была введена паспортная система. Людям было необходимо брать с собой «прохожие письма», когда они двигались между городами. [11, с. 1]. Со второй половины XIX века такой надзор осуществляла местная полиция. [7, л. 122]. В фонде Арзамасского монастыря сохраняется большое количество отпускных свидетельств и увольнений [3].

[18, л. 1-7] и 1844 года [22, л. 114-123] встречается рубрика «Какие проходят послушания»⁷. А в ведомостях московской Одигитриевской общины эта рубрика всегда имеется.

Одно из возможных объяснений такой разницы заключается в том, что женские общины в Московской епархии с самого начала своего становления находились под покровительством митрополита Филарета (Дроздова). Так что их состояние было относительно хорошо известно церковным властям. Следует помнить о том, что митрополит Филарет (Дроздов) содействовал развитию общежительных женских общин Московской епархии в рамках своих церковных реформ. В то время как внедрение общежития в штатные монастыри шло не очень успешно, митрополит с энтузиазмом следил за развитием новых женских общин как образцов монашеской жизни, помогая узаконить их и превратить в полноценные монастыри [42, с. 321-322]. Таким образом, можно сказать, что владыка Филарет и его епархия рано взяли общины под свой контроль, пытаясь интегрировать их в церковную систему.

В отличие от них женские общины в Нижегородской епархии были малоизвестны властям в период их первоначального становления. Поэтому в 1830–1840-х гг., когда начали собирать информацию о них, нужно было убедиться, что женщины проживали в общинах законно, не являлись раскольниками. Поэтому отпускным свидетельствам и увольнениям придавалось большое значение.

Таким образом, можно отметить, что ведомости московских общин по форме были ближе к монастырским ведомостям, за исключением того, что в них не было информации о постриге. А в ведомостях нижегородских общин, напротив, больше информации о мирском происхождении сестер.

По мере становления и развития женских общин в Московской и Нижегородской епархиях появились разнообразные списки сестер. В «раннеобщинный период» редко встречаются полноценные ведомости, как у монастырей. Для получения информации мы можем обращаться к таким видам документации, как исповедные ведомости, и краткие списки, включенные в другие документы. Что касается отсутствия некоторых конкретных сведений (например, о послушаниях), то это, безусловно, затрудняет анализ повседневной жизни сестер в общинах в первой половине XIX века. Мы можем обратиться к другим источникам, таким как исторические описания монастырей, жизнеописания святых и подвижников благочестия, воспоминания паломников и т. д.

Итак, ведомости сестер обычно начинали создаваться после официального утверждения общин, был предписан определенный формуляр. По сравнению с ведомостями монастырей в ведомостях общин больше обращалось внимания на мирское происхождение сестер, что можно объяснить государственным контролем над передвижением населения. Существуют и явные региональные различия в структурах ведомостей в Нижегородской и Московской епархиях. Так или иначе этот источник дает нам возможность составить социальный портрет сестер женских общин.

Социальный портрет сестер

Имена, отчества и фамилии сестер в первой половине XIX века не всегда были представлены полностью. Чаще всего они записывались только по имени и отчеству. Если сестра принадлежала к благородному, купеческому или мещанскому сословию, то больше шансов, что ее фамилия по отцу или мужу была записана⁸. В ведомостях нижегородских женских общин обычно были указаны имя и фамилия отца насельницы. Если она являлась вдовой, то могли быть указаны имя и фамилия ее мужа. В записях московских общин отсутствуют имена отцов.

⁷ Позже в ведомостях Зеленогорской общины 1845 и 1848 годов уже не было указания на послушания, как и у других общин Нижегородской епархии. Это, возможно, связано с постепенной стандартизацией составления ведомостей сестер общин.

⁸ Например, в ведомости Арзамасской общины 1844 года были указаны фамилии сестер «дворянских и благородных». [22, л. 136-138об.] Но так бывает не всегда. В ведомости Дивеевской общины 1848 года не все фамилии сестер из дворян были указаны. [24, л. 16об.-17.]

В первой половине XIX века размер женских общин в Нижегородской епархии в целом больше, чем в Московской. Так, при утверждении своего статуса все три московские общины насчитывали менее 40 человек. А в начале 1840-х гг. в самой маленькой нижегородской общине (Зеленогорской) проживало 59 человек [22, л. 115об.-123], в самой большой (Арзамасской) – уже около 500 [22, 136-175; 17, л. 19об.]. Это связано с ранним формированием и длительным сроком развития нижегородских общин.

Опираясь на данные, “сколько лет проживала в общине”, с интервалом примерно в десять лет, мы можем рассчитать долю новопоступивших в общине за каждый период времени, что дает нам возможность узнать о темпе увеличения населения.

Таблица 1 – Доля насельниц, проживавших в общинах менее 10 лет (Нижегородская епархия, 1830-1850-е гг.)

	Дивеевская община	Ардатовская община	Зеленогорская община	Арзамасская община
1830-е гг.	-	50,8% (1839 г.)	53,2% (1839 г.)	21,6% (1834 г.)
1840-е гг.	67,3% (1848 г.)	53% (1844 г.)	54,4% (1848 г.)	22,5% (1844 г.)
1850-е гг.	40% (1858 г.)	-	-	-

Источники: ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 191(1848). Л. 1-38об., 98-101об.; Д. 4 (1837 г.). Л. 61-62; Д. 102 (1844 г.). Л. 12-16, 136-175; Д. 162. Л. 2-7; Ф. 589. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-34. ГАНО г. Арзамас. Ф. 11. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-50об.

Видно, что население Арзамасской общины растет медленнее по сравнению с другими общинами. С 1822 по 1848 год численность ее сестер выросла с 460 [16, л. 2] до 503 [24, л. 102-127] человек, в то время как с 1839 по 1844 год население Ардатовской общины увеличивалось значительно быстрее (с 65 [17, л. 61-62] до 100 [22, л. 176-182об.] человек). Арзамасская община начала существовать на месте Новодевичьего Алексеевского монастыря, упраздненного в ходе секуляризационной реформы Екатерины II. С этого момента, то есть с конца XVIII века, Арзамасская община начала предлагать альтернативу женщинам, которые хотели вести монашеский образ жизни, но не могли поступить в существующие монастыри из-за ограничений на объем штатов. Она появилась раньше всех, за ней последовала Дивеевская община. А другие нижегородские общины появились уже в XIX веке. Таким образом, Арзамасская община, несомненно, начала привлекать большое количество людей раньше всего – уже к концу XVIII века. Приходящие туда женщины, в свою очередь, расширили известность и влияние общины. К 1777 году община насчитывала лишь около 36 сестер [17, л. 17-17об.], а в 1822 году, после менее чем полувека развития, в ней уже проживало 460 человек. Но после этого темпы роста населения снизились. Демографические изменения в общине – динамичный процесс. А длительный период развития Арзамасской общины и относительная хорошая сохранность материалов делают её хорошим примером для наших наблюдений.

В Московской епархии большую часть сестер Аносинской и Бородинской общин составляли крестьяне. В случае с Одитриевской общиной дело обстояло иначе. Первоначально самыми многочисленными были сестры из дворян (33,3% в 1829 году). Число насельниц быстро увеличивалось с 1830-х годов: с 18 до 35 человек в 1844 году, когда первенство перешло к мещанкам (45,7%). Хотя и сестры из крестьянского сословия всегда составляли немалую часть (22,2% в 1829 году и 28,6% в 1844 году).

В Нижегородской епархии во всех общинах процент сестер из крестьянского сословия оказался высоким. В Зеленогорской общине они долго составляли абсолютное большинство (85,1% в 1839 году [18, л. 2-7], 74,6% в 1844 году [22, л. 115об.-123] и 72,1% в 1848 году [24, л. 98-101об.]). Другие представленные сословия — мещанское, купеческое, духовное и военное. Среди них больше всего сестер было из городских сословий: из мещан и купцов. Это особенно заметно в двух городских общинах: Ардатовской (40% в 1839 году [17, л. 61-62], 34,1% в 1843 году [20, л. 12-16]) и Арзамасской (25,2% в 1834 году [5, л. 1-10об.], 30,2% в 1844 году

[22, л. 136-175] и 30,4% в 1848 году [24, л. 102-127]). Причем в первом случае почти все они были жителями именно города Ардатова (только одна из них, девица Евдокия Козмина, была из Муромского уезда). А в Арзамасской общине этот показатель (доля происходящих из города Арзамаса) составляет 25%, 56% и 59%. Города Ардатов и Арзамас традиционно были развиты в плане торговли, купеческое и мещанское сословия составляли большую часть городского населения [15, с. 15].

Эти данные также отражают географическое происхождение сестер. О. В. Кириченко на основе изучения тамбовских женских общин делает вывод, что обычно существовало “два-три географических ядра заселения общины: одно — местное, другие — из более дальних” мест [10, с. 86]. Он также отмечает, что главным способом передавать информацию о существовании общины и последовательно привлекать других женщин являлась личная связь общинницы с малой родиной [10, с. 86]. С 1821 по 1823 год число сестер московской Аносинской общины, приехавших из Московской губернии, составило более 70%. По ведомости нижегородской Дивеевской общины 1848 года, больше половины насельниц были жительницами Нижегородской губернии, на втором и третьем местах — Пензенская и Тамбовская губернии. Такая же или подобная ситуация наблюдалась в других нижегородских общинах. С другой стороны, в связи с тем, что люди предпочитали выбирать местные общины, когда возникала новая община, она сразу привлекала местных женщин, оттягивая их внимание от более старых общин в других местах. Это могло влиять на скорость увеличения размера старых общин.

Социальное происхождение являлось одним из ключевых элементов идентичности в общине. Эта информация во многих ведомостях использовалась как критерий при группировке сестер. Типичным примером может служить ведомость Арзамасской Алексеевской общины 1834 года [5, л. 1-50об.]. Весь список был разделен на несколько небольших таблиц, озаглавленных «Реэстр Арзамасской Алексеевской женской общины послушницам, которые поступили во оную из купечества и мещанства», «Однодворческие», «Солдатские», «Отпущенические», «Крестьянские удельного ведомства», «Крестьянские казенного ведомства» и «Духовные». И в каждой таблице сестры из одной малой родины были перечислены вместе. Нижегородская Дивеевская община придает большое значение тому, чтобы сестры, живущие в общине, были определены указом Нижегородской духовной консистории. Так, ведомость сестер 1848 [24, л. 1-38об.] и 1858 [26, л. 1-34] годов, соответственно, делится на две части. В первой части сведения о сестрах записываются в хронологическом порядке, в котором они получили свои указы. А во второй части, как и в Арзамасской общине, сестры перечислены в группах по социальному происхождению.

Можем отметить разницу в степени точности определения сословных групп в ведомостях разных женских общин. Исходя из проанализированных нами материалов, как правило, чем меньше общины, тем меньше нюансов в определении сословия. Например, в ведомости Дивеевской общины 1848 год крестьянки разделены по категориям “удельного сословия”, “вольнотпущеницы”, “крепостные” и “государственных имуществ”. А в ведомостях Зеленогорской общины есть только одна категория “из крестьянского сословия”. Общины с большей численностью насельниц имели более сложную структуру социального происхождения, и часто она была представлена более нюансированными способами. Чем больше размер общин, тем выше требования к порядку внутреннего управления, который включает в себя сбор и систематизацию информации о насельницах.

Доля незамужних девиц всегда была подавляющей. В московской Аносинской общине в 1823 году проживало наибольшее количество вдов, но и тогда этот показатель составлял лишь 25% [29, л. 383-394]. Доля вдов в нижегородских общинах зачастую составляет менее 10%. Как отмечают У. Г. Вагнер и К. Барнит, основываясь на анализе документов нижегородского Крестовоздвиженского монастыря, появление женских общин и образ общежительной монашеской жизни в них в первой половине XIX века стали выбором «в основном молодых, незамужних и непропорционально грамотных женщин» [43, с. 760]. Этот же феномен демонстрирует распределение возрастной структуры сестер других женских общин.

Таблица 2 – Возрастная структура сестер московских женских общин (1820-1840-е гг.)

		Менее 20 лет		20-40 лет		40-60 лет		Более 60 лет		Нет сведений	
Аносинская община	1823 г.	-	-	3	12,5%	13	54,2%	1	4,2%	7	29,2%
	1844 г.	-	-	19	43,2%	18	40,9%	7	15,9%	-	-
Одигитриевская община	1829 г.	6	35,3%	8	47,1%	3	17,6%	1	14,3%	-	-
	1844 г.	-	-	22	62,9%	11	31,4%	2	5,7%	-	-

Источники: ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2631. Л. 383-394; Д. 2640. Л. 386-397, 477-481; Оп. 747. Д. 1140. Л. 92об.-93об.

Таблица 3 – Возрастная структура сестер нижегородских женских общин (1830-1040-е гг.)

		Менее 20 лет		20-40 лет		40-60 лет		Более 60 лет		Нет сведения	
Дивеевская община	1848 г.	30	8,3%	239	66,2%	83	23%	8	2,2%	1	0,1%
	1858 г.	21	4,2%	296	59,2%	163	32,6%	20	4%	-	-
Ардатовская община	1839 г.	6	9,2%	34	32,3%	21	32,3%	4	6,2%	-	-
	1844 г.	25	25%	34	34%	32	32%	9	9%	-	-
Зеленогорская община	1839 г.	2	4,3%	25	53,2%	15	31,9%	5	10,6%	-	-
	1848 г.	4	5,9%	42	61,8%	15	22,1%	7	10,3%	-	-
Арзамасская община	1834 г.	15	3,7%	184	45,1%	152	37,3%	45	11%	12	2,9%
	1844 г.	27	5,5%	173	35,1%	217	44%	76	15,4%	-	-

Источники: ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 191(1848). Л. 1-38об., 98-101об.; Д. 4 (1837 г.). Л. 61-62; Д. 162(1839 г.). Л. 2-7; Д. 102 (1844 г.). Л. 136-175, 176-182об.; Д. 162. Л. 2-7. Ф. 589. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-34. ГАНО г. Арзамас. Ф. 11. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-50об.

Как видно из таблиц 2 и 3, в первой половине XIX века жителями женских общин Московской и Нижегородской епархий были преимущественно молодые (20-40 лет) и среднего возраста (40-60 лет) женщины. Девушки 20-40 лет, как правило, более многочисленны. Это относительно молодая возрастная структура, то есть сестры с высокой трудоспособностью составляют большинство населения. Следует помнить, что, будучи организациями, возникающими стихийно, юридический статус которых еще не был оформлен, женские общины не получали никаких субсидий из казны и были вынуждены полагаться на труды своих насельниц, чтобы обеспечить себя средствами к существованию. Таким образом, именно труд молодых членов общины делал возможным ее выживание, расширение и поддержку нетрудоспособных членов. В свою очередь, такая «благочестивая, содержательная, духовно обогащающая, уважаемая и материально обеспеченная монашеская жизнь» привлекала других молодых женщин [43, с. 763].

К сожалению, как выше говорилось, большинство ведомостей общин, проанализированных в данной работе, не содержат записей о послушаниях и грамотности сестер. Но у трех московских общин и у нижегородской Зеленогорской общины такие сведения всё же есть. На их основе мы можем сделать некоторые выводы. Можно заметить такую тенденцию: чем меньше общее количество жителей в общине, тем больше людей, которые должны были выполнять несколько разных работ одновременно. Три московские общины относительно невелики, и около 40-60% сестер в них проходили «разные послушания». А в ведомостях Зеленогорской общины почти у каждой сестры было только одно послушание. Хотя послушания были указаны лишь несколькими словами, они дают нам множество подробностей повседневной деятельности общины. Там были башмачницы, ткачихи, прачки, рухольные, золотошвейки. В Аносинской и Зеленогорской общинах были сестры, которые работали на скотном дворе, это указывает на существование данного объекта в общине. Конечно, у значитель-

ной части сестер послушания были связаны с церковным служением: клиросное, чтение Псалтири, продажа свеч, звонариха, просфорница и т. п. В ведомости Аносинской общины 1823 года есть такая интересная запись: тверская крестьянская девица Наталия Антонова в общине проходит «разных монастырских работ» и также «обучается грамоте» [29, л. 388]. Это раскрывает преимущества, которые могла дать жизнь в общине ее членам, а именно расширение и повышения личных способностей. При этом можно отметить, что уровень грамотности сестер общин был относительно высоким. Например, в Одигитриевской общине в 1844 году только 17,1% насельниц были неграмотными. В Зеленогорской общине в 1848 году только 11,8% насельниц были неграмотными, при том что 72% были из крестьянского сословия.

Часто в ведомостях есть рубрика «Какого поведения». Обычно текст в ней написан не тем же почерком, что в остальных рубриках. Как правило, ее заполняла начальница. На замечания, сделанные сестрам, могли повлиять ее личные предпочтения. Так, в ведомости Зеленогорской общины 1844 года начальница Прасковья Осипова дала очень негативные замечания о поведении казначеи Евдокии Александровой и других сестер, которые были перечислены после казначеи в таблице. Начальница отметила, что казначея «непослушна, своевольна», что она поведения «своевольного, своенравного и самонадеянного» [22, л. 121]. Следующие 12 человек в таблице охарактеризованы так: «Послушание всех сих сестер зависит от своевольного распоряжения и возмущения казначеи» [22, л. 121-122]. А последние 8 девиц, как пишет начальница, были «приняты без моего ведения, казначеею», поэтому ей не было известно об их поведении [22, л. 122об.-123].

Эти резкие замечания начальницы были вызваны конфликтом между ней и казначеей Евдокией Александровой, что более подробно описано в других документах. В мае 1842 года 42 сестры общины отравились из-за неосторожного обращения с мышьяком стряпухой Феклой Тихоновой. В ходе исследования этого дела власти вскрыли разногласия между начальницей и казначеей, а также «партиями» сестер, которые следовали за ними соответственно. Дело закончилось тем, что обе сестры были привлечены к дисциплинарной ответственности и лишены должностей за невыполнение своих обязанностей⁹. Однако из других документов выясняется, что разногласия между сестрами, поддерживавшими казначею, и начальницей, изначально были вызваны влиянием умершей в 1842 или 1843 году старицы Зеленогорской общины Ирины Лазаревой, которая считала, что Прасковья Осипова была недостаточно компетентной, чтобы возглавлять общину¹⁰. Те сестры, которые слушались казначею в 1844 году, в основном были ранее сторонниками Ирины Лазаревой. Последняя имела богатый опыт монашеской жизни и пользовалась уважением многих, ее взгляды имели много сторонников в общине, которые вызывали недовольство начальницы¹¹.

⁹ [21]. В архиве также хранятся документы о конфликтах между ними, но, к сожалению, их нельзя посмотреть из-за плохого состояния материала [19].

¹⁰ В архиве Нижегородской области хранятся три реестра (составленных благочинным села Пильца священником Андреем Серебровским) сестер, которые «согласны», «не согласны» с тем, что Прасковья Осипова может оставаться начальницей, и «не выразили мнения». При этом Ирина Лазарева выразила свое отрицание так: «Потому что начальница Иосифовна сестер, подлежащих, по их замечанию, наказанию, не наказывает или и наказывает, но не так, как им желательно и как надлежит, и что они подозревают ее в неправильном распоряжении общественной суммой». Кроме нее, еще 10 сестер были «несогласными». Шестеро из них объяснили это тем, что «Ирина Лазарева не желает; а если она пожелает, то и они согласны». Девица Марфа Петрова указала в качестве причины то, «что начальница запрещает ей ходить к Ирине Лазаревой» [17, л. 66-67об.].

¹¹ В некоторых текстах Ирина Лазарева указана как основательница Зеленогорской общины. Около 1800 года она отправилась в Киев, поступила в Киево-Флоровский монастырь и прожила там около девяти лет. В 1809 году вернулась в Зеленогорскую общину. Чтобы жить ближе к духовному отцу общины отцу Серафиму Саровскому, она переехала в Дивеевскую общину, ее деятельность там зафиксирована в «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Позже по благословению о. Серафима Ирина Лазарева вернулась в Зеленогорскую общину. Опыт жизни в Киеве и Дивееве позволил ей накопить богатый опыт монашеской жизни. Ее благочестие, искренность и духовная сила были почитаемы многими ее современниками [1, с. 55-59].

Важно всегда помнить о том, что в одной источнике может быть представлена неполная или пристрастная информация, поэтому есть необходимость в ее проверке по другим источникам.

Выводы

Для получения самых ранних сведений о насельницах женских общин мы можем обратиться к исповедным ведомостям и к спискам сестер, содержащимся в других документах. С бурным развитием женских общин в России в конце XVIII – первой половине XIX века возникла необходимость в составлении регулярных ведомостей сестер. Это было связано со стремлением самих общин к юридической легитимности и с требованиями светской и церковной властей. В отличие от типичных монастырских ведомостей о монашествующих в общинных ведомостях больше внимания уделяется информации о происхождении сестер: месту, откуда они приехали, сословию, документам, дающим право проезда, и т. п. Проверка законности статуса насельниц общин свидетельствует об осторожности властей в обращении с этим новым социальным организмом. Это в большей степени проявлялось в Нижегородской епархии.

Ведомости сестер женских общин имеют определенную структуру, хотя каждая епархия в отдельности и даже каждая община имела свои традиции. Богатая информация из ведомостей позволяет составить социальный портрет сестер, понять некоторые особенности судеб женщин, выбравших жизнь в общинах. К сожалению, доступный материал за первую половину XIX века ограничен. Но его достаточно, чтобы проследить ряд изменений в развитии женских общин Московской и Нижегородской епархий. В целом женские общины Нижегородской епархии более крупные, чем московские. За исследуемый период времени все женские общины быстро увеличились в размерах, но данные по более ранним, таким как Арзамасская, говорят о том, что темпы расширения – динамичный процесс, на скорость которого могут влиять такие факторы, как продолжительность существования общины, ее известность, наличие других сообществ, которые предоставляют женщинам больше возможностей для выбора, и т. п. Эти зарождающиеся общины были более привлекательны для молодых незамужних женщин, большинство которых были из крестьянского сословия. В то же время общины, расположенные в городах, демонстрируют явную привлекательность для местного городского сословия (мещанского и купеческого). В повседневных послушаниях сестер преобладало церковное служение. Чем больше была община и чем сложнее повседневная деятельность, тем больше вероятность того, что сестры будут специализироваться только на одном виде послушания. Это связано с более высоким уровнем управления общиной.

Библиография

1. Букова О. В. Женские обители преподобного Серафима Саровского: История десяти нижегородских женских монастырей. Н. Новгород, 2003. 589 с.
2. Волков М. С. Социальный состав мужских монастырей Тамбовской епархии в конце XVIII – XIX веках // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 174. С. 155-162.
3. ГАНО г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7
4. ГАНО г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13
5. ГАНО г. Арзамас. Ф. 11. Оп. 1. Д. 52.
6. ГАНО г. Арзамас. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1.
7. Дизель В. Ю. Правовые предпосылки истории развития регистрации граждан по месту пребывания и по месту жительства в России // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 120-126.
8. Женская Зосимова Пустынь: исторический очерк. [Сост. монахиня Зосима (Верховская).] М., 2008. 637 с.

9. Запальский Г. М. Настоятели мужских монастырей в России в синодальный период и их социальное происхождение // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М. 2020. С. 279-287.

10. Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX - середина XX века). М. 637 с.

11. Конькова А. Ю. Документы, удостоверяющие личность, в Российской империи // Научный вестник Крыма. 2017. № 4(9). С. 1-12.

12. Нечаева М. Ю. Ведомости о монашествующих синодального периода как исторический источник (на материале уральских епархий). С. 231–265.

13. Нечаева М. Ю. «Послужные списки» монахов: история возникновения и информационные границы // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 163–180.

14. Фёдорев А. И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 1. С. 64-73.

15. Халин А. А., Попова В. В. Динамика сословной структуры городского населения Нижегородской губернии во второй половине XIX века // Диалог. 2017. № 3(8). С. 11-23.

16. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 556. Д. 56 (1822 г.).

17. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 4 (1837 г.).

18. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 162 (1839 г.).

19. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 113 (1842 г.).

20. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 112 (1843 г.).

21. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 124 (1843 г.).

22. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 102 (1844 г.).

23. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 104 (1845 г.).

24. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557. Д. 191 (1848 г.).

25. ЦАНО. Ф. 584. Оп. 1. Д. 38.

26. ЦАНО. Ф. 598. Оп. 1. Д. 1.

27. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 259. Д. 4.

28. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 259. Д. 36.

29. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2631.

30. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2640.

31. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 974.

32. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 988.

33. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1006.

34. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1140.

35. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1072.

36. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1262.

37. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1352.

38. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1374.

39. Шамина И. Н. Переписные книги 1701-1703 гг. как источник для изучения женских монастырей Российского государства // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета: Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2023. Вып. 110. С. 40-58.

40. Шамина И. Н. Социальный портрет монашествующих Коломенской епархии в конце XVII — начале XVIII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории

России XII-XX веков: сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М. 2021. С. 407 – 428.

42. Brenda Meehan-Waters. Metropolitan Filaret (Drozdov) and the Reform of Russian Women's Monastic Communities // *The Russian Review*, 1991, Vol. 50, No. 3 (Jul., 1991), pp. 310-323.

43. Wagner W. G., Barnitt K. A quantitative study of the transformation of female orthodox monasticism in imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 751–776.

44. Wagner W. G., Barnitt K. Using Statistical Analysis to Study Life within Orthodox Convents. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 2, pp. 329–344.

**RECORDS OF SISTERS AND OTHER SOURCES OF PERSONAL DATA
ON THE INHABITANTS OF WOMEN'S COMMUNITIES
(ON THE MATERIAL OF THE MOSCOW AND NIZHNII NOVGOROD
DIOCESES OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Zhao Zhengnan

Lomonosov Moscow State University

Abstract

Records of sisters of women's communities are an important source for the study of these objects in the nineteenth century. This article examines the records of sisters of seven women's communities of Moscow and Nizhnii Novgorod dioceses of the first half of the XIX century, studies the features of the source itself and, based on the information it contains, compiles a social portrait of the sisters. The article notes that in comparison with the records of monks of monasteries, the records of sisters of women's communities pay more attention to the origin of the sisters (the place where they came from, class, documents giving the right to travel, etc.). This was to a greater extent manifested in the Nizhnii Novgorod diocese. Certain rules for compiling records of women's communities appeared only by the 1830s-1840s. For information about earlier periods we can turn to other types of materials, such as confession statements and short lists of sisters found in other documents. The information from the records indicates that women's communities in Nizhnii Novgorod diocese were generally larger than the Moscow's. The rates of increase in the size of the communities changed dynamically. In the period under study, they were more in demand for young unmarried women, most of whom were from the peasant class. At the same time, communities located in cities attracted local urban classes (citizens and merchants). Church service dominated the sisters' daily obedience. The larger the community and the more complex the daily activities, the more likely the sisters were to specialize in only one type of obedience. This is associated with a higher level of management.

Keywords

Women's communities, records of sisters, confession statements, Moscow diocese, Nizhnii Novgorod diocese, Russian Orthodox Church.